

РОССИЙСКАЯ ЮСТИЦИЯ

Журнал основан в 1922 г.

№ 6 (июнь 2021 г.)

ПРИНЦИПЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ВОПРОСАМИ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДОМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

АРГУМЕНТЫ ЗА СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
В ДЕЛАХ ПО СПОРАМ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЛОЩАДКИ КАК КОМПОНЕНТ ЭЛЕКТРОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Legalitas regnorum fundamentum

Законность — основа государства

**РОССИЙСКАЯ
ЮСТИЦИЯ****6****Июнь 2021 г.****УЧРЕДИТЕЛИ:**Администрация Президента РФ,
Верховный Суд РФ,
Министерство юстиции РФ**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**В.В. Блажеев, Л.И. Брычева,
А.К. Голиченков, А.В. Гусев,
В.В. Ершов, Е.Л. Забарчук,
М.И. Клеандров, В.М. Лебедев,
А.Г. Лисицын-Светланов,
Е.В. Семеняко, А.А. Требков,
Т.Я. Хабриева**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

А.Ж. Малышева

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ**№ 591 от 27.12.1993 г.,
выдано Министерством печати
и информации Российской Федерации**РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ**АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ruПодписано в печать 25.05.2021
Формат 60×84/8. Гарнитура Newton.
Усл.-печ. л. 10,0. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 210730**ОТПЕЧАТАНО**

ООО «АГС-ПРИНТ»

115553 г. Москва, Андропова пр-кт,
д. 22, этаж 9, к. 52

Рукописи не возвращаются.

Мнения авторов могут не совпадать
с точкой зрения редакции.Использование материалов в других
изданиях допускается только
с письменного согласия редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

© «Российская юстиция», 2021

Уважаемые читатели!

Последний весенний месяц, помимо праздников, был интересен прошедшими важными для юридического сообщества мероприятиями. Некоторые из них хотелось бы особо отметить как имеющие значение для нашего журнала.

Legal Forum 9³/₄. Во второй раз это грандиозное по размерам, охвату участников и выбранных тем мероприятие прошло в онлайн-формате. Интерес к этому мероприятию поддерживается в течение всего периода подготовки к его проведению: выбор тем и спикеров, обсуждение и формирование идеологии идут постоянно, с привлечением всех, для кого это важно. На только что прошедшем форуме и на форумах прошлых лет авторы «Российской юстиции» принимали участие как докладчики и как слушатели. Этот опыт взаимодействия мы намерены продолжать и дальше.

«Российская юстиция» внимательно следит за развитием отечественных научных школ. Совершенствование российской науки невозможно без людей увлеченных, неравнодушных, видящих в ней призвание и профессию. Поэтому редакция принимает участие во всех значимых конференциях и публикует лучшие присылаемые работы, разработанные внутри творческих лабораторий высших юридических заведений.

Так, 21 мая 2021 г. на базе Научно-образовательного центра (НОЦ) судебного конституционализма юридического факультета Южного федерального университета (ЮФУ) в рамках Форума экономического конституционализма состоялась научно-практическая конференция «Рыночные отношения в правотворческом, правоприменительном, судебном измерении: социальная справедливость или экономический прагматизм?». Основным вдохновителем, идейным организатором и модератором конференции выступил Николай Семенович Бондарь, судья Конституционного Суда России в отставке, руководитель НОЦ судебного конституционализма ЮФУ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ, главный научный сотрудник отдела конституционного права ИГиСП при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Николай Семенович задал общее направление обсуждений на Форуме, определив, что в основу конституционно-правовой глобализации положена юридизация свободы, власти, собственности. Редакция совместно с Н.С. Бондарем готовит обширный материал по итогам проведенного Форума, с тем чтобы познакомить с ростовской научной школой широкую юридическую общественность.

От редакции 1

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лебедев В.М.
Принципы рассмотрения дел, связанных с вопросами окружающей среды 2

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Курченко В.Н.
Использование судом результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе 6

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Грибов Н.Д.
Аргументы за специализацию деятельности судей при осуществлении правосудия (на примере корпоративных споров) 14

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Якушев П.А.
Особенности участия органов опеки и попечительства в делах по спорам о воспитании детей 19

Низамиева О.Н.
О гарантирующем эффекте договоров в семейном праве 25

Максимович Л.Б.
Проблемы соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка 33

БИОМЕДИЦИНА

Левушкин А.Н.
Оказание биомедицинских услуг как форма реализации социально ориентированной модели здравоохранения в Российской Федерации 39

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гончаренко О.К.
Стамбульская конвенция: проблемы имплементации спустя 10 лет 46

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Лесив Б.В.
Авторитет решений англо-американских судей и эффективность их исполнения: в чем секрет? 52

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ

Андреева Л.В.
Электронные площадки как компонент электронной инфраструктуры государственных закупок 63

КНИЖНЫЙ КЛУБ

Хабриева Т.Я.
Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография 70

ПРАКТИКА ЕСПЧ

Дело «Румянцев и другие (Rumyantsev and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 40913/14 и 4 другие жалобы) 75

АДРЕСА АВТОРОВ ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ 79

From the editors 1

SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lebedev V.M.
Principles of court proceedings related to environmental matters 2

CRIMINAL PROCEEDINGS

Kurchenko V.N.
The use by the court of the results of operational-search activity in criminal proceedings 6

LEGAL PROCEDURE

Gribov N.D.
Arguments for the judicial specialization (on the example of corporate disputes) 14

FAMILY LEGAL RELATION

Yakushev P.A.
Features of participation of guardianship and trusteeship bodies in disputes concerning upbringing of children 19

Nizamieva O.N.
On guaranteeing effect of contracts in family law 25

Maksimovich L.B.
Problems of the alimant payment agreement for a minor 33

BIOMEDICINE

Levushkin A.N.
Provision of medical services as a form of implementation of a socially-oriented model of healthcare in the Russian Federation 39

INTERNATIONAL LAW

Goncharenko O.K.
Istanbul Convention: problems of implementation after a decade 46

JUDICIAL BRANCH

Lesiv B.V.
Credibility of the anglo-american court orders and their effective enforcement: what's the secret? 52

PUBLIC PROCUREMENT

Andreeva L.V.
Electronic platforms as a component of the electronic infrastructure of public procurement 63

BOOK CLUB

Khabrieva T.Ya.
Migration law: comparative legal research: monograph 70

CASE-LAW OF ECtHR

Case of «Rumyantsev and Others v. Russia» (application no. 40913/14 and 4 Others) 75

ADDRESSES OF AUTHORS FOR CORRESPONDENCE 79

УДК 340.1
DOI 10.52433/01316761_2021_6_52

Авторитет решений англо- американских судей и эффективность их исполнения: в чем секрет?

Богдан Васильевич Лесив

магистр конституционного права,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова,
юридический факультет,
аспирант
г. Москва, Россия

Аннотация. Проблемы принудительного исполнения судебных решений многогранны. Нехватка ресурсов, законодательные несовершенства, неэффективность санкций — это, как правило, внешние факторы по отношению к скрытым от глаз внутренним причинам. Опыт англо-американских судебных систем показывает, что значительный вклад в эффективное исполнение судебных постановлений может вносить само общество за счет веры в особую миссию судебной власти и, как следствие, за счет порицания уклонистов. Однако такое преимущество английские и американские судьи получают не даром, но исключительно на паритетной основе. Особый авторитет английских и американских судей, а также строгие, но признаваемые самим обществом в качестве феномена *sine qua non* санкции за неповиновение судебным постановлениям стали результатом долгой последовательной работы самих судей. Во-первых, исторически англо-американская судебная система своими действиями четко обозначила суверенные границы между политической властью и властью судебной, заложив, таким образом, основу отношения к суду не как к части единой государственной администрации, а как к независимому авторитету. Во-вторых, судьи Англии и США, в отличие от депутатов и лордов в парламенте, творили прецедентное право с непосредственным погружением в проблемы общества и с его участием. Наконец, за счёт этой работы у общества появились реальные причины видеть в судьях свою защиту от кого бы то ни было — будь то преступник или чиновник-тиран. Статья проливает свет на историко-теоретические причины, по которым англо-американское общество само крайне заинтересовано в стабильности судебной системы и претворении решений в жизнь.

Ключевые слова: судебная власть, исполнение судебных решений, справедливость, независимый суд

Credibility of the anglo-american court orders and their effective enforcement: what's the secret?

Bogdan Vasilyevich Lesiv

Master of Laws by Research (Constitutional Law),
Lomonosov Moscow State University (School of Law),
PhD Student
Moscow, Russia

Abstract. The problems of enforcement are multifaceted. Lack of resources, legislative imperfections, inefficiency of sanctions are usually external factors, but there are also latent internal reasons. The experience of the Anglo-American judicial systems demonstrates that the society itself can make a significant contribution to the effective enforcement by its faith in the special mission of the judiciary and, as a result, by the condemnation of deviationists. However, this advantage is not given to English and American judges for nothing: there can be only a parity basis. The special authority of English and American judge, including the sanctions for disobeying court orders, which are severe but recognized by society as a 'sine qua non', is the result of a long consistent work of the judges themselves. First, historically, the Anglo-American judicial system has clearly defined the sovereign boundaries between political and judicial powers, creating the foundation for treating the court not as part of a single state administration, but as an independent authority. Secondly, the judges of England and the United States, unlike the MPs and Lords in parliament, created case-law with direct penetrating in the problems of society and with its participation. Finally, due to this work, the society has real reasons to reckon the judges as the protection from anyone — either a criminal or a tyrant official. The article sheds light on the historical and theoretical reasons why the Anglo-American society itself is extremely interested in the stability of the judicial system and the implementation of court orders.

Keywords: judicial power, enforcement, justice, independent court

Введение

Эффективное исполнение судебных постановлений — ценность, которая признается всеми без исключения юрисдикциями вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье. Это объясняется самой природой разделения властей, ведь если основной функцией судебной власти является принятие решений по спорным вопросам, то неисполнение этих решений означает *de facto*, что деятельность судебной власти попросту не становится предметом реального мира. Поэтому в данном аспекте не имеет значения, чем отличаются статус, структура или истори-

ческие особенности функционирования судебных систем различных государств, — как Англия, так и Россия равно заинтересованы в исполнении собственных судебных актов на собственной территории.

Тем не менее объективная реальность свидетельствует о том, что, несмотря на единство цели и ценности исполнения судебных актов, фактическое состояние (эффективность) их достижения существенно различается от государства к государству. В частности, имеются достоверные подтверждения, что в системах англо-американского уклада большинство судебных постановлений исполняется неукоснительно¹.

Бытует мнение, что эффективность судебной деятельности в Англии и США связана с исторически сложившимся доминированием судебной ветви в системах разделения властей этих стран и с наличием значительных санкций за неповиновение судебным постановлениям (*disobedience to court orders*). Однако логически это не совсем корректный вывод, поскольку он акцентирует внимание не на причине такой эффективности, а лишь на следствии. В действительности эффективность судебных актов в Англии и США обеспечивается не только процедурными или законодательными средствами, но концептуально иным характером самой судебной деятельности (в том числе другими задачами, которые ставят перед собой судьи), а также принципиально иным источником легитимности судебных актов, без которых существование строгих санкций было бы невозможно. Как известно, судебное повеление в любом государстве направлено на вмешательство в конкретное общественное отношение и, следовательно, исполнение судебного акта в значительной степени зависит от самого общества, которое является его адресатом. Общество, в свою очередь, может относиться к судебному акту уважительно либо противиться ему. И здесь кроется существенная разница концепций: если в странах постсоветского уклада судебные акты рассматриваются как воля и приказ государства, то в Англии и

США они обладают характером общественного «самообложения».

Извечным является запрос общества на судебскую справедливость в определяемых объективных границах (к примеру, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод²), при системном несоблюдении которых теряется вера в суд как в институт независимости и справедливости, ради которых он учреждался, и, следовательно, к уклоняющимся от исполнения судебных решений относятся либо нейтрально, либо с сочувствием. Если же судьи отвечают обществу на его легитимное ожидание справедливости в несправедливом мире, то общество само становится заинтересованным в неукоснительном исполнении их решений и порицает девиантов. *Исполнение судебных актов тогда обеспечивается не только государством, но и общественным влиянием, не оставляя уклонистам путей к отступлению.* Существенный вклад в уровень доверия общества к судьям вносят они сами, если (1) максимально ответственно относятся к убедительности и обоснованности своих решений, (2) демонстрируют готовность вникать в каждую уникальную ситуацию и находить справедливое решение, (3) собственным поведением подтверждают свой особый статус — дают основания отделять их от общей «государственной массы» депутатов, министров, чиновников и т.д.

Если легитимность судебного постановления в России строится на авторитете государства в лице судей, то в Англии и США ее истоки находятся в самом обществе, а судьи воспринимаются как служители общества, а не государства. Этому имеются следующие основания.

§ 1. Разделение правовой и политической власти

Дихотомия правовой и политической власти отнюдь не нова и восходит к истокам римского права, где *gubernaculum* — это правительство, а *jurisdictio* — судебная ветвь. В англо-американском правосознании и государственно-общественном устройстве также издавна принято политические ветви

¹ См. об этом: Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: компаративный обзор // Судья. 2019. № 4. С. 32.

² СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

власти — законодательство и правительство — противопоставлять (в хорошем смысле) правовой ветви — судебной³. Это значит, что судебная власть рассматривается как равная по значимости для достижения общественного благополучия, следовательно, ее задача — не только и не столько обеспечивать принудительной силой волю других ветвей власти, сколько вносить самостоятельный вклад в общее дело наравне со своими властными контрагентами. Применительно к США исследователи указывают: «[Федеральные суды]... не будут колебаться, если необходимо осуществить судебную власть с тем, чтобы указать законодательной и исполнительной властям на их надлежащее место [to keep in its proper place]»⁴.

Если политические игроки руководствуются такими субъективными, трудно осязаемыми и содержательно нестабильными критериями, как воля большинства, национальные ценности, экономическая целесообразность и т.п., то правовая власть противопоставлена им, поскольку ориентируется на государственно-правовую преемственность, стабильность, воплощением чего является единый для всех закон, содержание которого может предвидеть рядовой член общества. Именно поэтому отцы-основатели США создавали судебную систему как оплот власти, способный осуществлять свои функции независимо от «хаотического вихря фанатических нравов, местечковых предрассудков и зловещих намерений» политических игроков⁵. В Англии закреплению такой роли судов способствовали принципиальные позиции, высказанные судьями в отношении монарха еще в XVII веке (дела *Prohibitions del Roy*, *Bonham Case* и *Lord Sheffield v. Ratcliffe*)⁶, а также формирование золотого правила толкования и толкования для исправления ошибки (*mischief rule*).

³ См., например: *Pound C.W. The Judicial Power* // *Harvard Law Review*. 1922. Vol. 35. No. 7. P. 788, 790—791.

⁴ *Pound C.W. The Judicial Power*. P. 195. См. также: *Albertsworth E.F. Judicial Review of Administrative Action by the Federal Supreme Court* // *Harvard Law Review*. 1921. Vol. 35. No. 2. P. 127—153.

⁵ *Madison J. The Same Subject Continued: The Union as a Safeguard Against Domestic Faction and Insurrection* // *The Federalist Papers*. No. 10. *New York Packet*, November 23, 1787.

⁶ *Prohibitions del Roy* [1607] 77 ER 1342 (C.P.); *Thomas Bonham v. College of Physicians* [1610] 77 ER 638 (C.P.); *Lord Sheffield v. Ratcliffe* [1615] 80 ER 475 (K.B.).

Правовая власть наделяется в этой дихотомии *принципиально иной функцией*, нежели в триаде компетенций. Если в классической модели судебной ветви отводится роль применения законов, то во втором случае суд выступает еще как орган, ограничивающий политическую дискрецию посредством права и предотвращающий возможный конфликт государства и общества. Обеспечить соблюдение закона обычным человеком — это довольно простая задача, для которой во многих случаях не обязательно создавать самостоятельную ветвь власти. Гораздо сложнее отстоять закон перед теми, кто, скрываясь за всеобъемлющим понятием государства, фигурирует такими туманными истинами, как публичный интерес и общественные ценности, и абсолютно убежден, что его воля и есть закон. Здесь суд не столько разрешает спор между двумя тяжущимися сторонами, сколько выражает интересы всего общества и является гарантом прав всех граждан в отношениях с политическими ветвями. Таким образом, он встает на пути политического произвола и заслоняет собой человека, подвергая контролю не конкретную частную ситуацию, а решения и поведение органов публичной политической власти с тем, чтобы последняя не привыкала к возможности выходить за пределы конституции и закона. Решения по таким делам являются не только инструментом обеспечения режима свободы личности, но и мерой общей превенции — негативной реакцией государства на недолжное поведение своих органов. Очевидно, что любая сложная система — будь то живой организм или государство — в случае пагубной девиации собственных составных элементов должна на это соразмерно реагировать.

Позитивное противопоставление общества и государства с ориентацией судей скорее на первое, чем на последнее, вытекает не только из дихотомии политической и правовой власти, но и из статьи 18 Конституции Российской Федерации⁷, согласно которой права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятель-

⁷ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

ность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Мало того, что этим подчеркивается антропологическая основа деятельности власти, но судебная власть и здесь четко отделена от политических ветвей: последние *обязаны* строить работу на основе прав и свобод, а судьи *обеспечивают* эту обязанность, если она не исполняется.

§ 2. Судьи — представители общества

В Англии XII века формированию независимости судей от политической власти способствовало желание короля Генриха II в условиях невозможности «ручного» управления *делегировать свою власть* (ее часть) на места без наделения подчиненных вельмож и местной знати слишком большими полномочиями⁸. Английские судьи, таким образом, изначально были погружены в дела общества, в повседневную жизнь людей, разрешали их проблемы, освободив от этой обязанности короля (в большинстве случаев), в то время как политические процессы протекали самостоятельно и обеспечивались силами короны, как правило, без привлечения судей.

Таким образом, намеренно или нет, английская корона изначально сделала шаг к укреплению общественного, а не государственного характера формирования прецедентного права (хотя нельзя полностью отрицать ни тот, ни другой), что в итоге создало благоприятные условия для доктринального оформления *common law constitution* (конституции, основанной на судебных прецедентах) как конституции английского общества, а не государства. Примечательно в этом плане, что какие бы потрясения ни постигали английское государство, как бы ни менялась форма правления, *common law* (общее право), как известно, всегда оставалось неотъемлемой частью жизни (константой) английского общества. Как пишет проф. В.А. Томсинов, «конституционное значение *common law* выразалось, таким образом, преимущественно в том, что его принципами и нормами очерчивалась сфера общественной

жизни, в которую королевская власть вмешиваться не могла»⁹.

Как в Англии, так и в США судебная деятельность всегда была неразрывно *связана с самим обществом* — с жюри присяжных, которые влияли не только на исход конкретного процесса, но и на правовую политику в целом. В правовой системе США, созданной под демократическим знаменем Американской революции, роль общества в правовых вопросах была еще больше усилена. Фигура судьи в судебной системе США неотделима от образа жюри присяжных, которые до сих пор имеют значительные возможности в отношении как уголовных, так и гражданских дел (поправки 5 и 7 к Конституции США¹⁰). Неудивительно, что в результате первого столетия функционирования американских судов О. Холмс, знаменитый член Верховного суда США, обобщил этот опыт формулой, согласно которой американское прецедентное право формировалось судьями первой инстанции в результате непосредственного взаимодействия с присяжными, а *задачей судьи было обобщать результаты такого взаимодействия, «впитывать» ценности американских граждан и в последующем выступать независимыми защитниками этих ценностей* (он называл их здравым рассудком общества — *common sense of community*)¹¹.

Профессор Дж. Саймон пишет по этому поводу: «...закрепленный в Конституции [США] и в массовой культуре образ дуэли юристов, в рамках которой обвинение вынуждено доказывать позицию присяжным, преодолевая яростное противодействие защитника, *уже давно служит символом легитимности [государства]* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Б.Л.)»¹². Американский правовед и судья Дж. Диллон емко описал значение жюри присяжных для американского общества: «Уголовное правосудие было *кардинальным*

⁸ См.: Warren W.L. Henry II. Berkeley, 1977. P. 293.

⁹ См. об этом: Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года: учеб. пособие. М., 2010. С. 38, 43.

¹⁰ См.: <https://state-usa.ru/usa-constitution/215-popravki-k-konstitutsii-ssha>

¹¹ См.: Holmes O.W. The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. P. 113.

¹² Simon J. Uncommon Law: America's Excessive Criminal Law & Our Common-Law Origins // Daedalus. Summer 2014. Vol. 143. No. 3. P. 64.

образом связано с [фигурой] жюри присяжных с самого основания этой страны»¹³. Ключевое исследование по теме подтверждает, что попытки посягательств на институт присяжных расценивались в Америке как совершенно недалновидные «в системе юриспруденции, которая выросла рука об руку с жюри»¹⁴.

Во многом этот подход стал ответом на злоупотребления английской короны. В период Реставрации Стюартов английские суды приобрели особенно дурную славу, поскольку судьи стали использоваться в качестве политического оружия. После восстания Монмута 1685 года у людей появились реальные основания смотреть на жюри присяжных, не позволявшее судьям чересчур отдаляться от общества, как на гарантию гражданских свобод. Предреволюционная Америка отчетливо понимала ценность этой, пожалуй, единственной непосредственной нити между обществом и государством, поскольку действовавшие на территории колоний английские суды успели достаточно отдалиться от общества и не спешили обеспечивать «неполноценным» жителям традиционную английскую защиту. Один из наиболее известных американских правоведов Р. Паунд отмечает: «Америка XVII—XVIII веков имела длительный опыт недифференцированного контроля со стороны чиновничьей администрации, наделенной законодательной, исполнительной и судебной властью, а также [имеющей в своем распоряжении] суды, которые принимали решения по образцу этих административных органов и которые не обременяли себя верховенством права»¹⁵. Именно поэтому авторы Конституции США особенно трепетно пытались срастить суд и общество в лице присяжных в единое целое¹⁶.

Неудивительно, что в Америке предприняли настолько масштабные идеологические реформы: «Присяжные... в конце концов, стали таким же мощным символом амери-

канской демократии, как и кабинка для голосования», эти изменения «сделали власть американского жюри главенствующей в судебном процессе»¹⁷. Это не могло не повлиять на отношение к исполнению судебных актов, ведь они стали исходить, по сути, от самого общества, а не от государственного чиновника. Более того, они стали рассматриваться в качестве элемента демократии наравне с выборами.

О существенной разнице американского и романо-германского подходов к судебной власти на уровне самой концепции свидетельствует правотворческая роль американских судов при помощи жюри, которая кажется абсурдной в континентальном контексте. Суды присяжных в Англии и США выступили мощнейшим импульсом для многих реформ, отказываясь применять несправедливые законы и действуя, таким образом, в качестве своего рода народного цензора по отношению к актам законодательной власти:

«Если какая-либо категория проступков вызывает значительные затруднения в получении обвинительного вердикта в целом [по всей стране], мы имеем дело с аксиомой, согласно которой закон требует изменений. Такое поведение жюри — это молчаливый протест народа против чрезмерной суровости. О том, что этот принцип по-прежнему действует, свидетельствуют стенания [американских] государственных обвинителей, которые не могут получить обвинительный вердикт даже в делах, где допущено очевидное нарушение законодательных запретов»¹⁸.

История англо-американского права такова, что из всех государственных органов именно суды на протяжении веков являются форумом общественного присутствия, выражения принципиальных позиций по правовым вопросам, хранителем преемственности общественного правового наследия (доктрина прецедента). Причем это наследие общества, в отличие от витиеватых традиционных ценностей, вполне конкретно закреплено и может быть однозначно определено. Даже после ослабления роли присяжных в Англии отношение к судьям в обществе не поме-

¹³ *Dillon J.F.* The Laws and Jurisprudence of England and America. Boston, Mass., 1895. P. 121.

¹⁴ *J.B.F.* Changes in the Jury // *Virginia Law Review*. 1931. No. 17 (5). P. 500.

¹⁵ *Pound R.* What of Stare Decisis? // *Fordham L. Rev.* 1941. Vol. 10. P. 4.

¹⁶ *Ibid.* P. 498.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *J.B.F.* *Op. cit.* P. 500. Note 34.

нялось, поскольку сами судьи не поменяли принципиальности своих взглядов и приверженности созданному правовому наследию, в результате чего люди могут видеть в них опору, а не угрозу.

Именно поэтому стали возможными следующие выводы: «*Легитимность общего права зиждется не в политической системе, а в обществе. Власть судьи заключается не в принятии политических решений, и уж тем более не в представлении [воли] короля или парламента, а в выражении [интересов общества]*»¹⁹. Важно, что это не очередная дежурная фраза в арсенале популистов, ведь интересы общества, по крайней мере в США, судья выражает вовсе не самостоятельно (произвольно), а с помощью «среза общества» — жюри присяжных. Еще важнее, что это не утопическая модель, закрывающая глаза на реальную власть самих судей. Работы О. Холмса объясняют: судья, имеющий богатый опыт работы с присяжными, а также со свидетельствами их «здорового рассудка» — прецедентами, постепенно приобретает навык самостоятельно выражать и защищать интересы общества (без подмены понятий).

Таким образом, формированию двух автономных систем права — прецедентной (*common law*) из власти судей и статутной из власти парламента — способствовало наличие как у политиков, так и у судей реальной опоры в английском обществе (у политиков — экономическая элита, у судей — люди в целом), что и позволило создать не «судебную практику», а «судебное право». Следовательно, секрет особого авторитета англо-американских судей — в реальной поддержке общества, сопоставимой с поддержкой, которую имеют политические органы.

§ 3. Разное восприятие судебной власти — разное отношение к судебным постановлениям

Показательно, что даже сами континентальные исследователи, занимающиеся проблемами судопроизводства, приходят к

выводу, что *сила англо-американских судебных актов и эффективность их исполнения связана в первую очередь с отличным от европейского концептуальным образом судьи, акцентирующим внимание на его особо важной роли в обществе, которая ни в коем случае не сводится к банальному правоприменению и формализованной бюрократии*. Так, один из немногих континентальных процессуалистов, имевших дело с проблемой принудительного исполнения судебных решений неимущественного характера в сравнительно-правовом аспекте, К. Керамеус отмечает, что институт ответственности за неповиновение судебным приказам «выходит далеко за рамки сферы правоприменения... превознося роль (функцию) судов в обществе в целом»²⁰.

Итальянский процессуалист К. Джабардо в основательном исследовании по этой теме, подкрепленном как методологией, так и эмпирикой, устанавливает наличие причинно-следственной зависимости между *общественным восприятием, социальным позиционированием (social perception) англо-американских судей* и эффективностью их постановлений, обладающих особым авторитетом²¹. Важно отметить, что речь не идет только о внешнем формировании такого социально ориентированного образа судьи. Речь в том числе о том, что судьи сами позиционируют себя независимыми участниками государственного механизма в интересах сообщества (*community*, не государство (!)) и соответствующим образом строят свою работу.

Анализируя исторические и системообразующие истоки такого восприятия судей в англо-американском обществе, К. Джабардо показывает сразу несколько ключевых отличий, которые способствовали становлению авторитета судебной власти в Англии и США и одновременно не способствовали этому в странах романо-германского уклада. Рассмотрим эти отличия и дадим свои комментарии.

¹⁹ Description and history of common law: class notes taken from *Order, Law and Crime* by Raymond Michalowski and *The Politics of Jurisprudence* by Roger Cotterrell // <https://www.radford.edu/~junnever/law/commonlaw.htm>

²⁰ Kerameus K.D. Enforcement of Non-Money Judgments and Orders in a Comparative Perspective // *Law & Justice in a Multistate World: Essays in Honor of Arthur T. von Mehren* / J.A.R. Nafziger, S.C. Symeonides, eds. Ardsley, 2002. P. 117.

²¹ См.: *Giabardo C.V. Disobeying Courts' Orders — A Comparative Analysis of the Civil Contempt of Court Doctrine and of the Image of the Common Law Judge* // *Journal of Civil Law Studies*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 53.

Отличие первое: «судья-личность» vs «суд в составе судьи»

В плане обеспечения судебных решений силой общественной поддержки ключевым фактором является, конечно, содержание самого решения. Во-первых, характер его построения, аргументации и уникальности может вызывать уважение к судье как к личности и профессионалу. Во-вторых, характер закладываемых в него правовых позиций может показать, что судья — это достойный уважения независимый и беспристрастный служитель общества, а не чьих-либо интересов.

Если в англо-американских юрисдикциях судья сам по себе (лично, *in personam*) является носителем «высочайшего общественного авторитета», а осуществление судебной власти строго персонализировано, то «в континентальной правовой культуре судьи, по сути, рассматриваются как обезличенные, анонимные бюрократические фигуры, совершенно лишенные того «отеческого авторитета» [paternal authority], который характеризует их [английских или американских] коллег»²².

В предыдущем параграфе уже было показано, что англо-американские судьи как бы «выросли» вместе с обществом, получили вместе с ним опыт и мудрость повседневной жизни, впитали его наиболее глубокие ценности. Английские политики, таким образом, действительно могут образно рассматриваться как воплощение молодости и новых идей, но они знают — за их креативом всегда наблюдает мудрый судья — отец общества, который не даст «рубить сгоряча». В Англии испокон веков судебные постановления пишутся судьями от первого лица, что подчеркивает их личность в основе авторитета, и даже при коллегиальном рассмотрении судебное решение представляет собой последовательное изложение правовых позиций всех судей от первого лица (так называемое *seriatim opinion*). Это влияет в том числе на последующее обращение к конкретным судебным решениям или содержащимся в них правовым доктринам: как правило, при таком обращении юристы ссылаются именно на авторитет

вынесшего решение судьи, а не на наименование суда, в котором он работал (например, если необходимо обратиться к знаменитым позициям по делу *Bonham Case*, апеллируют к лорду-судье Э. Куку, а вовсе не к Суду общегражданских дел, который он возглавлял)²³. Хотя в США не действует система *seriatim*, в любом судебном решении отдельно указывается автор «мнения суда» (*opinion of the court*), далее — имена судей, которые к этому мнению присоединились, и имена судей, выразивших несогласие (особое мнение). Обезличенные акты выносятся в виде исключения по самым незначительным вопросам, как правило, не связанным с разрешением вопросов права по существу (так называемые решения *per curiam*).

На первый взгляд может показаться, что такой подход основан больше на формальном отличии, чем на содержательном. Однако это не так, поскольку он концептуально выходит далеко за рамки правил написания судебных актов. Этот подход гарантирует, что судья своим именем берет на себя ответственность за каждое сказанное слово, которое будет с ним ассоциироваться в дальнейшем на протяжении веков (о преемственности сквозь века см. далее).

К слову, право на особое мнение рассматривается в качестве дополнительной гарантии независимого выражения судьей интересов общества, поскольку оно может «четко гарантировать, что обоснование судебного решения будет продуктом их собственного разума, а не чем-то иным»²⁴. Напротив, континентальным судебным актам присущ сухой канцеляризм, формальная юридическая техника, шаблонные фразы и, как отмечает К. Джиабардо, «крайне технический и имперсональный жаргон», который призван представить судебный акт как «невидимую законодательную волю, которая не имеет своего лица»²⁵.

²³ Аналогичным образом обращаются, например, к имени лорда-судьи Дж. Лоуса для указания на доктрину конституционных статутов, лорда-судьи К. Диплока — на доктрину критериев административного судопроизводства, лорда-судьи Т. Бингэма — на доктрину элементов верховенства права.

²⁴ *Giabardo C.V.* Op. cit. P. 54. Note 58.

²⁵ *Giabardo C.V.* Op. cit. P. 54. Note 58. О характере судебных актов в Англии и США см.: *Lasser M.* Judicial (Self-) Portraits: Judicial Discourse in the French Legal System // *Yale Law Journal*. 1995. Vol. 104. No. 6. P. 1326—1410.

²² *Giabardo C.V.* Op. cit. P. 54.

Отличие второе: «хранители преемственности» vs «правоприменители»

Поскольку английские и американские судьи исторически в интересах общества вносили реальный вклад в развитие права и сохранение общественного спокойствия, держась, как правило, особняком от политических интриг²⁶, они тем самым уберегли себя и свои страны от той неистовой ненависти, которую общество стало испытывать к судьям во Франции и ряде других европейских держав. Профессор Н. Пикарди пишет: «В то время как последние события континентальной правовой культуры ознаменовали тотальное уничтожение прежнего правового порядка, во многом благодаря Французской революции и ее особенной «антисудебной» идеологии, в Англии не существует реальной общепризнанной границы между Средними веками и Новым временем — всем известно, что поступательное развитие прецедентного права наилучшим образом описывается идеей «преемственности», нежели «разделения»²⁷.

Непоколебимость судебной власти в Англии и США, которая веками в относительно неизменном виде продолжает свое бытие, несмотря на любые политические кризисы, объясняется тем, что судьи черпают власть либо в короне — «источнике всей справедливости», как назвал ее в XVIII веке У. Блэкстон (Англия)²⁸, либо в самом обществе в результате взаимодействия с присяжными (США). Эта связь имеет, подобно связи со Священным Писанием, постоянный и независимый от политических процессов или конкретных персон характер («корона» в данном случае означает не конкретного временного монарха, а должность короля, на которой веками зиждется английское общество)²⁹. Судьи поэтому не просто несут повседневную службу, связанную с решением конкретных дел по

принципу *apres moi le deluge*, но и выполняют роль «отцов» общества, непрерывно хранящих правовые ценности, правовую мудрость поколений сквозь века. Именно за этим они ссылаются на прецеденты порой многовековой давности, а если при их использовании и отступают от доктрины *stare decisis*, то, как правило, с условием максимально возможного сохранения генеральных идей, которые в них заложены. Один из самых известных американских компаративистов Дж. Мерримэн так и говорит: стороны в англо-американских системах представляют свои проблемы перед «судьей-отцом»³⁰. Такое отношение к судьям и к правовой преемственности обуславливает осознание ими всего масштаба своей ответственности: они понимают, что на их суждения будут опираться и ссылаться еще долгие годы³¹. Трудно представить, чтобы в современной России для обоснования позиции по делу кто-либо всерьез сослался на суждения А.Ф. Кони.

В таких условиях англо-американские судьи демонстрируют кардинально иной подход к написанию судебных актов: если в континентальных странах это приказ («Я так сказал!»), то в Англии и США это убеждение в правильности именно такого решения («Посмотрите, это точно так!»). Естественно, это прямо влияет на восприятие решений обществом. Именно поэтому судьи в Англии и США на многих и многих страницах (порой решения состоят из 60—80 страниц текста) ссылаются на многочисленные прецеденты. В отличие от немногословных норм закона, прецеденты пропитаны мыслями и идеями предыдущих поколений судей. Ссылка на них — это, в отличие от ссылки на закон, не самоустранение судьи (возложение ответственности за судьбу общества на других — в частности, на законодателя), а, напротив, вовлечение в дискуссию и аргументацию.

²⁶ Были и исключения, такие как во времена восстания Монмута 1685 года.

²⁷ *Giabardo C.V.* Op. cit. P. 54; См. также: *Picardi N.* La giurisdizione all'alba del terzo millennio. Milan, 2007. VII-264 p.

²⁸ См.: *Halliday P.D.* Re-Interpreting Blackstone's Commentaries: A Seminal Text on National and International Contexts. Oxford, 2014. P. 175.

²⁹ О независимости английских судей от персоны короля подробнее см. давно устоявшуюся доктрину «двух тел короля»: *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies. Princeton, 1998.

³⁰ См.: *Merryman J.H., Pérez-Perdomo R.* The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 3rd ed. Stanford, 2007. P. 124.

³¹ Мантию, особенно в США, можно поэтому рассматривать как символ беспристрастности веков перед сиюминутными частными или публичными интересами, что по сей день доказывают американские судьи. Например, в недавнем деле *South Bay United Pentecostal Church v. Newsom* назначенная Д. Трампом судья Верховного суда Эми К. Барретт, несмотря на все обращенные к ней политические ожидания, сформулировала более мягкую позицию суда.

Образ английских и американских судей в связи с этим сакрализован, их иногда называют даже жрецами справедливости³², ведь для обоснования решений (по общему праву) они обращаются не к постоянно меняющимся законам, а к мудрости своих лучших предшественников, подобно мудрости Христа. Знаменитый Р. Дворкин и вовсе назвал судебную систему «секулярным папством»³³. Поэтому на лиц, не исполняющих судебные приказы, возлагается тяжкий моральный груз: они бросают вызов самому многовековому развитию общества в лице судей, а такие действия характеризуют морально окрашенными терминами, воплощающими концепции греха и искупления³⁴.

Принудительное исполнение судебных актов, таким образом, рассматривается не как насаждение конкретного сиюминутного интереса, а как вклад в интересы и преемственное развитие общества в целом.

Напротив, как пишет Дж. Мерримэн, в системах континентальной правовой традиции судьи больше не рассматриваются в качестве «цивилизационных героев или отеческого лика», поскольку «их образ сводится к простому госслужащему [в бытовом понимании], выполняющему важные, но не творческие функции», в связи с чем «можно не повиноваться его приказам с меньшим страхом серьезных наказаний»³⁵.

В Европе как по вине политических сил, так отчасти и в результате инертности самих судей, им беспрекословно содействовавших, революционные потрясения существенно углубили пропасть между властью судов и обществом. С тех пор судьи вынуждены были исполнять либо «волю большинства», «интересы нации» (Франция), либо «революционную законность», «волю господствующего класса» (СССР). Известны и совсем печальные примеры, когда судьи с подачи политиков претворяли в жизнь «общее благо», осно-

ванное на «единстве крови, общности судьбы и убеждений» (фашистские режимы Германии и Италии).

Нельзя не отметить, что исторически в России после Судебной реформы 1864 года появилась надежда на отстранение судей от сиюминутных политических интриг и на формирование надлежащего восприятия их деятельности обществом. Подтверждением этому служит не только идеологическая задумка отцов судебной реформы, но и слова выдающегося правоведа и судьи А.Ф. Кони: «Судья должен стоять выше этого в выполнении своей высокой задачи, основанной не на временных и преходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных началах правосудия»³⁶. К слову, само наследие А.Ф. Кони в виде его судебных и научных трудов, одухотворенных принципиальными позициями о справедливости и независимости судебной власти, свидетельствует о благоприятных перспективах, которые могли бы ждать ее в дореволюционной России.

Политика же, основанная на противопоставлении (большинства и меньшинства / господствующего и подчиненного классов / титульной и факультативных наций), способна привести в итоге лишь к формированию образа судьи, подчиняющего общество политикам, а не судьи, защищающего общество *in toto*.

Таким образом, принудительное исполнение судебных актов, основанных на подобных противопоставлениях, вполне может вызывать заведомое неприятие, поскольку преследует, как правило, всего лишь конкретный формальный интерес. К. Джабардо также отмечает, что, в отличие от англо-американских судебных решений, континентальные рассматриваются как необходимость банально осуществить конкретное исполнение, а не исполнить некий более сакральный долг³⁷.

Выводы

Необходимо задаться вопросом: интересны ли нам те возможности, которые могут быть реализованы за счет неукоснительно-

³² См.: Soper P. Metaphor and Models of Law: The Judge as a Priest // Michigan Law Review. 1977. Vol. 75. Iss. 5. P. 1196, 1209.

³³ См. об этом: Judges in Contemporary Democracy: An International Conversation / Breyer J.S., Badinter R., eds. N.Y., 2004. P. 79 (para. 'The Secular Papacy').

³⁴ См.: Pekelis A. Legal Techniques and Political Ideologies // Michigan Law Review. 1943. Vol. 41. No. 4. P. 669.

³⁵ Merryman J.H., Pérez-Perdomo R. Op. cit. P. 37.

³⁶ Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М., 2018. С. 20.

³⁷ См.: Giabardo C.V. Op. cit. P. 55.

го исполнения судебных постановлений и уважения к суду? Если да, то в нашем мире один из рецептов уже имеется. Как видно из вышесказанного, суровые санкции за неповиновение английским и американским судьям вовсе не связаны с «правлением судей» в смысле присвоения власти. Секрет авторитета англо-американских судей гораздо сложнее и заключается в том, что они наряду с ординарным правоприменением выполняют важную функцию носителей *common law* — продукта самого общества, квинтэссенции его разума (совести), продолжающего действовать сквозь призму меняющихся парламентов, правительств и законов. На концептуальном уровне судьям определена особая «отеческая» миссия, скрепы которой сильнее революций и гражданских войн, тогда как политикам вверяется суверенная задача эффективного и прогрессивного текущего управления (*government of the day*). При этом важно: как судьи уважают и не вмешиваются в компетенцию политиков (так называемая доктрина политического вопроса), так и политики вынуждены иметь в виду «отеческий взор», особенно если дело касается тех прав и свобод общества, которые издавна считаются суверенными.

Многие признают, что отсутствие на протяжении столетий у европейских народов *чувства справедливости, исходящего от судей*, подорвало веру общества в этот институт, подстегнув антисудебную идеологию революционных настроений и постреволюционных реформ. Однако отношение общества к различным явлениям меняется, а время, как известно, лечит, и сегодня ответ на вопрос доверия в руках самих судей.

Как показано в статье, значительное влияние на исполнимость судебных решений оказывает отношение самого общества к судебной деятельности и ее миссии, а также нацеленность судей на здоровые отношения с обществом. В англо-американских системах обозначенные характер и принципы работы судей позволили со временем считать судебное решение не частным решением никому не известного судьи, а решением самого общества в лице его уважаемого «отца».

Подходы к решению затронутой проблемы могут быть различными, но если наце-

литься на формирование устойчивой общественной поддержки судебного корпуса, то для этого должны быть созданы благоприятные условия:

во-первых, необходимо понять, что политические игроки вряд ли когда-либо в какой-либо стране мира будут искренне заинтересованы в формировании обозначенного в настоящей статье отношения общества к судебной власти (об этом писали не только Дж. Мэдисон и А. Гамильтон, но и выдающийся российский правовед С.С. Алексеев³⁸). Поэтому *гражданам предстоит самим осознать особую миссию*, которую судебная власть не только должна, но и способна нести в демократическом обществе;

во-вторых, в значительной степени этот процесс зависит от действий и решений самих судей: если обществу не дают соответствующую эмпирическую базу, достаточную для реальных оснований *видеть в судьях хранителей правовой преемственности, а не исполнителей сиюминутных интересов*, то когнитивный разрыв между обществом и судьями не сокращается;

в-третьих, судьи должны своим поведением стремиться к обособлению их в общественном сознании от политических ветвей власти;

в-четвертых, судьи должны показывать, что они готовы вникать в проблемы граждан, *искать правильные решения и пытаться убедить в справедливости своего решения всех*, а не только стороны;

наконец, возвращаясь к справедливости, судьи не должны изображать неспособность принять справедливое решение, постоянно ссылаясь на формулу *dura lex, sed lex*. А.Ф. Кони писал: «...автоматическое применение закона, [когда] судья не утруждает себя проникновением в его внутренний смысл... находит бездушное упокоение в словах — *dura lex, sed lex* — [и это] недостойно судьи, хотя во многих практических случаях может оказаться для него не только удобным, но и выгодным»³⁹. Юристы понимают, что к любой ситуации закон может быть применен справедливым образом в результате правильного

³⁸ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 24—25.

³⁹ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 21.

толкования. Особенно это касается административных дел об оспаривании властных действий, в которых общество, как ни в каких других делах, ждет «отеческой» защиты.

В этом плане интересно отметить неразрывную связь между формированием обозначенного в статье авторитета судьи и расширенной концепцией ответственности за неуважение к суду⁴⁰, наиболее грубым проявлением которого выступает именно неповиновение судебным постановлениям. Статья показывает, почему в англо-американских юрисдикциях оправданно существование такой расширенной концепции и корреспондирующих карательных полномочий судов. Еще М. Вебер указывал: «Вера в легитимность больше не относится к личности, а к приобретенным качествам и действительности ритуальных актов»⁴¹. Таким образом, применению в государстве расширенной системы наказания за неуважение к суду должна предшествовать кропотливая и бескорыстная работа, в том числе самих судей, направленная на приобретение служителями Фемиды признания как судьи-защитника, судьи — хранителя преемственности, судьи — «отца общества». Иначе механистическая трансплантация в постсоветское общество конкретно-исторической доктрины неуважения к суду (карательных санкций) без обеспечения ее поддержкой общественного признания, на котором она зиждется в англо-американских странах, способна повлечь лишь обратную реакцию, будучи воспринятой в качестве насильственных проявлений.

История даёт урок и показывает, что интерес в таком отношении общества к судьям есть, и он заключается в реальной возможности за свой счет обеспечить общественное спокойствие и преемственность основных ценностей конкретного общества сквозь столетия.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. Вебер М. Харизматическое господство / пер. с нем. Р.П. Шпаковой // Социс. 1988. № 5. С. 139—147.
3. Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
4. См. об этом: Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: формирование доктрины // Судья. 2019. № 9. С. 32—39.
4. Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: компаративный обзор // Судья. 2019. № 4. С. 28—39.
5. Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: формирование доктрины // Судья. 2019. № 9. С. 32—39.
6. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года: учебное пособие. М.: Зерцало, 2010. 264 с.
7. Albertsworth E.F. Judicial Review of Administrative Action by the Federal Supreme Court // Harvard Law Review. 1921. Vol. 35. No. 2. P. 127—153.
8. Dillon J.F. The Laws and Jurisprudence of England and America. Boston, Mass., Little, Brown and Co., 1895. 431 p.
9. Giabardo C.V. Disobeying Courts' Orders — A Comparative Analysis of the Civil Contempt of Court Doctrine and of the Image of the Common Law Judge // Journal of Civil Law Studies. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 35—59.
10. J.B.F. Changes in the Jury // Virginia Law Review. 1931. No. 17 (5). P. 497—501.
11. Judges in Contemporary Democracy: An International Conversation / Breyer J.S., Badinter R., eds. N.Y., New York University Press, 2004. 317 p.
12. Holmes O.W. The Common Law. Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 393 p.
13. Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies. Princeton, Princeton University Press, 1998. 632 p.
14. Kerameus K.D. Enforcement of Non-Money Judgments and Orders in a Comparative Perspective // Law & Justice in a Multistate World: Essays in Honor of Arthur T. von Mehren / Nafziger J.A.R., Symeonides S.C., eds. Ardsley, Transnational Publishers, 2002. 878 p.
15. Lasser M. Judicial (Self-)Portraits: Judicial Discourse in the French Legal System // Yale Law Journal. 1995. Vol. 104. No. 6. P. 1326—1410.
16. Madison J. The Same Subject Continued: The Union as a Safeguard against Domestic Faction and Insurrection // The Federalist Papers. No. 10. New York Packet, November 23, 1787.
17. Merryman J.H., Pérez-Perdomo R. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 3rd ed. Stanford, Stanford University Press, 2007. 192 p.
18. Pekelis A. Legal Techniques and Political Ideologies // Michigan Law Review. 1943. Vol. 41. No. 4. P. 665—692.
19. Picardi N. La giurisdizione all'alba del terzo millennio. Milano, 2007. VII-264 p.
20. Pound C.W. The Judicial Power // Harvard Law Review. 1922. Vol. 35. No. 7. P. 787—796.
21. Pound R. What of Stare Decisis? // Fordham Law Review. 1941. Vol. 10. No. 1. P. 1—13.
22. Re-Interpreting Blackstone's Commentaries: A Seminal Text on National and International Contexts / Prest W., ed. Oxford, OUP, 2014. 253 p.
23. Simon J. Uncommon Law: America's Excessive Criminal Law & Our Common-Law Origins // Daedalus. Summer 2014. Vol. 143. No. 3. P. 62—72.
24. Soper P. Metaphor and Models of Law: The Judge as a Priest // Michigan Law Review. 1977. Vol. 75. Iss. 5. P. 1196—1213.
25. Warren W.L. Henry II. Berkeley, California, University of California Press, 1977. 693 p.